

Уголовно-правовые науки

Научная статья

УДК 343.9

<https://doi.org/10.35750/2071-8284-2024-2-122-130>

Публикация подготовлена в рамках гранта Государственного Совета Республики Крым молодым учёным Республики Крым

Абисова Кристина Сергеевна

кандидат юридических наук

<https://orcid.org/0000-0001-7922-5744>, abisova@inbox.ru

Крымский филиал Краснодарского университета МВД России
Российская Федерация, 295053, Симферополь, ул. Академика Х. Х. Стевена, д. 14

Методология исследования террористической деятельности. Часть 1: основы исследования

Аннотация: **Введение.** Статья посвящена описанию методологического инструментария исследования террористической деятельности. Очевидно, что для реализации познавательного опыта в современных условиях, чтобы отразить в исследовании сущностные характеристики изучаемых объектов и явлений, всю их сложность и специфику развертывания в контексте нынешних социальных процессов, т. е. как человеко-размерных систем, необходимо использовать эффективные инструменты и механизмы познания, соответствующие познавательной задаче. Познание внутренней специфики терроризма, а также особенностей его проявления в террористической деятельности предполагает применение действенных, проверенных познавательных инструментов в виде принципов, подходов и методов исследования. Данные принципы могут служить верным методологическим ориентиром в познании и адекватно отображать суть современного терроризма не только в теоретическом аспекте, но и в правоприменительной практике, правотворчестве. **Методы.** Методологическую основу исследования составили фундаментальные основы и постулаты философской методологии: всеобщие категории, принципы и закономерности диалектического, и деятельностного подходов, общенаучная методология системного подхода. **Результаты.** Обосновано, что гносеологическую основу исследования террористической деятельности составляет ряд основополагающих принципов познания: 1) познаваемости, 2) объективности, 3) определяющей роли практики в познании, 4) творческой активности субъекта познания, а методологическую основу – всеобщие категории и принципы диалектического, интервального и деятельностного подходов, методология системного подхода, а также комплексный инструментарий общелогических и конкретно-научных методов.

Ключевые слова: терроризм, террористическая деятельность, методологический инструментарий, метод, гносеологические принципы

Для цитирования: Абисова К. С. Методология исследования террористической деятельности. Часть 1: основы исследования // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. – 2024. – № 2 (102). – С. 122–130; <https://doi.org/10.35750/2071-8284-2024-2-122-130>.

This work has been prepared as a part of a grant from the State Council of the Republic of Crimea to young scientists of the Republic of Crimea

Kristina S. Abisova

Cand.Sci (Jurid.)

<https://orcid.org/0000-0001-7922-5744>, abisova@inbox.ru

*Crimea branch of the Krasnodar University of the MIA of Russia
14, Academica X. X. Stevena str., Simferopol, 295053, Russian Federation*

Terrorist activity research methodology. Part 1: research basics

Abstract: Introduction. The article is devoted to the description of the terrorist activity research methodology. In order to realise the cognitive experience in modern conditions, to reflect the essential characteristics of the studied objects and phenomena, their complexity and specificity of their deployment in the context of current social processes, i.e. as human-dimensional systems, it is necessary to use effective means and mechanisms of cognition corresponding to the cognitive task. The cognition of the internal specificity of terrorism, as well as the peculiarities of its manifestation in terrorist activities involves the use of effective, proven cognitive approaches, their principles and methods of research. These principles can serve as a true methodological guide in cognition and adequately reflect the essence of modern terrorism not only in the theoretical aspect, but also in law enforcement practice and law-making. **Methods.** The methodological basis of the research was formed by fundamental bases and postulates of philosophical methodology: universal categories, principles and regularities of dialectical and activity approaches, general scientific methodology of system approach. **Results.** The author substantiates that the epistemological basis of the research of terrorist activity is a number of fundamental principles of cognition: 1) cognisability, 2) objectivity, 3) determining role of practice in cognition, 4) creative activity of the subject of cognition, as well as the methodological basis - universal categories and principles of dialectical, interval and activity approaches, the methodology of system approach, and a complex set of general logical and concrete-scientific methods.

Keywords: terrorism, terrorist activity, methodological instrumentarium, method, epistemological principles

For citation: Abisova K. S. Terrorist activity research methodology. Part 1: research basics // Vestnik of the St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia – 2024. – № 2 (102). – С. 122–130; <https://doi.org/10.35750/2071-8284-2024-2-122-130>.

Введение

Для исследования террористической деятельности как сложного социокультурного феномена необходимы соответствующие методологические инструменты. В современной науке вообще и в социально-гуманитарном знании в частности за всю длительную историю их эволюции был выработан целый спектр эффективных подходов и методов изучения подобных объектов. В целях исследования сущности социальных явлений принято применять философский, социологический, юридический, культурологический, антропологический подходы. Общенаучная методология системного и довольно популярного сегодня для изучения сложных объектов и их систем синергетического подхода, структурно-функционального анализа, общелогические методы и специфические философские методы как универсальные исследовательские средства также широко применимы в научной среде различных сфер знания. Наличие всеобщих антропологических и социальных свойств, а также явного криминологического измерения репрезентации терроризма и его практического проявления – террористической деятельности сужает методологическое измерение исследования до применения философского и юридического

подходов, их специфических методов, а также универсальных, проверенных научной практикой общенаучных подходов и методов.

Для глубокого и всестороннего исследования сущности и специфики террористической деятельности, особенностей ее проявления в современной социальной реальности необходимо обратиться к достижениям философской и общенаучной методологии соответственно.

Методы

С точки зрения философии для постижения сущности любого объекта необходимо не только использовать эффективный метод – теоретический или эмпирический, но и анализировать свои познавательные возможности, условия познания, учитывать специфику познаваемых явлений, особенности их «явленности» нам. Более того, важно ответить на вопрос о том, что значит вообще познать и способны ли мы на это с имеющимися у нас ресурсами и условиями как на уровне объекта, так и на уровне субъекта и результатов их взаимодействия. В связи с этим особую важность приобретают *гносеологические основы исследования террористической деятельности*, в которых раскрывается сама сущность познания, а также универсальные познавательные характеристики и принципы [1, с. 54–55].

Обращение к гносеологическим основам исследования феномена терроризма обусловлено осознанием сложности, глубины, масштабности и многомерности данного явления и его развертывания в современной социальной действительности, которые можно рассматривать в сущностном (что есть терроризм как социальный феномен вообще), институциональном (институционализация терроризма) и деятельностном (как особый вид деятельности – террористической) аспектах. Познание внутренней специфики терроризма, а также особенностей его проявления в террористической деятельности предполагает применение действенных, проверенных познавательных инструментов в виде принципов, подходов и методов исследования (от общенаучных до философских).

Результаты

Современная теория познания и наука в целом стоят на позициях гностицизма, который также именуется гносеологическим оптимизмом. Промежуточной точкой зрения на проблему познаваемости мира является скептицизм, утверждающий, что возможности человека в познании реальности ограничены. Его ярким представителем является немецкий философ Иммануил Кант. Методологическое значение философской концепции Канта представляет для реализации нашей исследовательской цели особую эвристическую значимость.

По Канту, познание основано на двух важнейших элементах – созерцаниях и понятиях. Для «чистоты» познавательного акта необходимо опираться на них в «чистом» виде. Такую возможность и дает априорность. Априорные формы рассудка – категории, которые представляют собой формы рассудочного мышления, упорядочивающие рассудочную деятельность и объясняющие ее логические закономерности. То, что мы называем природой, объективной реальностью, бытием, определяется структурой трансцендентального субъекта, которую составляют рассудок с его системой категорий и чувственность с ее априорными формами – пространством и временем. Категории не являются синтезом знаний об эмпирической действительности. Категории, пишет Кант, «...не выводятся из природы и не соотносятся с ней как с образцом (ибо в таком случае они были бы только эмпирическими)...» [2, с. 212], наоборот, природа соотносится с категориями, посредством которых многообразие явлений природы и объективной реальности в целом связывается в определенные типы единства, которые и даются нам в познавательном опыте с априорной необходимостью. То есть способность познавать мир этим специфическим образом присуща нам от природы и возможна благодаря категориям.

Современная философия и наука утверждают, что мир существует и может быть познан как объективная, т. е. не зависящая от познающего субъекта и его характеристик, реальность. Объективный мир – это физические вещи, явления, процессы в пространстве-времени, это люди, их действия и состояния сознания, события, в которых они участвуют. Этот мир не зависит от нашего сознания, но это не значит, что мы не можем его познать. С точки зрения современной философии пространство и время – это фундаментальные характеристики бытия. Они являются специфическими формами существования объективного мира (материи). Иными словами, пространство представляет собой свойство бытия, отражающее форму и способ его существования, а время – свойство бытия, репрезентирующее форму и способ его развития. Неживая природа, живые

системы и общество характеризуются специфическими пространственно-временными структурами, которые описаны в физической, биологической и философской картинах мира. Категория для современной философии – это предельно общее понятие, которое выражает сущностные отношения объектов и явлений действительности, тех или иных областей действительности, знания и деятельности. Она является важнейшим теоретико-методологическим инструментом, фундаментальной основой научного и философского познания.

Рассматривать природу и способности познания вне конкретного процесса познания в реалиях современной методологии науки принципиально неверно. В современной философии и методологии науки проведен анализ эволюционных форм науки, который отражается в типологии научной рациональности: классической, неклассической и постнеклассической [3, с. 55]. Для динамики исторического развития науки характерны специфические типы рациональности, которые были связаны с появлением различных методологических программ: классической науке (XVII–XVIII вв.) соответствует парадигма классической механики, неклассической науке – квантово-механическая картина мира (XIX–XX вв.), постнеклассической – синергетическая модель (XX–XXI вв.). Как пишет известный отечественный философ и методолог науки С. А. Лебедев, каждому из типов рациональности, лежащей в основе всякой методологии, соответствовала своя онтология, собственная гносеология и методология [4, с. 6]. Не вдаваясь в специфику этих характеристик предшествующих этапов развития научного знания, отметим те аспекты, которые актуальны для современной – постнеклассической науки. Онтология постнеклассической науки изучает природные и социальные объекты, а также и человеко-размерные системы, в которых человек и его деятельность являются одним из элементов¹. Гносеология постнеклассической науки характеризуется вероятностностью и гипотетичностью в вопросах познания мира, осознанием субъект-объектного и социального характера как самого научного познания, так и всяческих его форм и результатов [5]. Методология постнеклассической науки представляет собой разработку социально-гуманитарных технологий, направленных на открытие гипотез и разработку полезных моделей различных объектов².

Таким образом, становится очевидным, что для реализации познавательного опыта в современных условиях, чтобы отразить в исследовании сущностные характеристики изучаемых объектов и явлений, всю их сложность и специфику развертывания в контексте нынешних социальных процессов, т. е. как человеко-размерных систем, необходимо использовать эффективные инструменты и механизмы познания, соответствующие данной познавательной задаче в ее теоретическом и практическом измерениях³. На наш взгляд, таковыми можно считать универсальные гносеологические предпосылки и принципы познания, а также гносеологические и методологические принципы и подходы, сформулированные с учетом и в рамках постнеклассической парадигмы научной рациональности.

Корректно будет отметить, что истинное познание любого объекта, в особенности социального феномена современной эпохи, отличающейся нарастанием явлений нелинейности, случайности и непредсказанности общественного развития, выступает, скорее, нормативным идеалом. Однако это обстоятельство не означает, что необходимость тщательного отбора и действенного применения различных познавательных инструментов отпадает. Напротив, она становится довольно острой.

Какие же гносеологические принципы можно применить для исследования террористической деятельности и, главное, как применить?

В течение всего времени становления гносеологии (теории познания) были выработаны основополагающие принципы познания, благодаря которым возможно реализовать цель познания⁴. Ключевым гносеологическим принципом является принцип познаваемости, предполагающий возможность познания любого рода объектов. Данный принцип широко применяют приверженцы гносеологического оптимизма. Он означает,

¹ Степин В. С. История и философия науки : учебник. – изд. 3-е. – Москва: Академический проект, 2009. – 423 с.

² Лебедев С. А. Курс лекций по философии науки. – Москва: Издательство МГТУ им. Н.Э. Баумана, 2014. – 318 с.

³ См.: Алиев Н. И. Гносеологические аспекты обоснования в научном познании: дис. ... д-ра филос. наук. – Санкт-Петербург, 2002. – 318 с.; Ахмедов И. А. Гносеологические особенности нового социального знания: дис. ... канд. филос. наук. – Махачкала, 2006. – 174 с.; Бельцева Е. А. Проблема понимания в гуманитарном познании: дис. ... канд. филос. наук. Киров, 2003. – 132 с.; Вилес Ю. Ф. Онтологические и гносеологические основания физической абстракции: дис. ... д-ра филос. наук. – Москва [б. и.], 2004. – 300 с.; Долгова О. А. Феномен понимания в структуре познавательной деятельности: дис. ... канд. филос. наук. – Уфа, 2004. – 158 с.; Кениспаев Ж. К. Философия сознания: онтология, гносеология, праксиология: дис. ... д-ра филос. наук. – Барнаул, 2006. – 285 с.

⁴ Лазарев Ф. В., Трифонова М. К. Философия : учебное пособие. – Симферополь: Сонат, 1999. – С. 222–229.

что результаты человеческого познания могут адекватно отображать действительность, создавать по определенным критериям ее истинную картину. Исходя из этого принципа, мы можем утверждать, что террористическая деятельность существует как познаваемый объект, т. е. она познаваема, и мы можем претендовать на то, чтобы отразить ее сущностные характеристики, т. е. «истину о ней», в нашем исследовании при выполнении определенных условий (учитывая критерии научности и истины, опираясь на принципы познания, научные и философские методы и подходы).

Принцип объективности предполагает существование объекта познания вне зависимости от субъекта познания и самого познавательного процесса. Объективность – краеугольный камень исследовательской этики, т. к. требует некой «чистоты» познания и его результатов: человек не должен вносить в них нечто от себя, от своей субъективности. Из этого познавательного принципа вытекает гносеологическая установка, которую мы можем применить в нашем исследовании: террористическую деятельность нужно познавать такой, какая она есть сама по себе, т. е. объективно. В науке и философии существует целая система требований и правил, обеспечивающих обоснованность и доказательность получаемых в познании результатов, начиная от критериев научности и заканчивая различными исследовательскими принципами, методами и подходами. В исследовании террористической деятельности рассматриваемый принцип играет главенствующую роль: объективная характеристика и оценка данной системой связанных с терроризмом преступлений представляют собой важнейшую теоретическую детерминанту выявления, предупреждения и предотвращения террористической деятельности.

Принцип определяющей роли практики в познании постулирует, что практика является основой, конечной целью и критерием истинности всякого познания, источником познания, т. к. предоставляет сам материал для познавательного процесса, определяет его способы и инструменты. Таким образом, она детерминирует уровень и специфику отражения действительности в познании. Этот принцип также значим для изучения террористической деятельности в конкретном, практическом измерении ее реализации как в социальном и институциональном аспектах – на уровне социальных институтов (в обществе в целом, государстве, на международном уровне), так и в деятельностном аспекте – в вопросах выявления ее субъектов, оснований (мотивов, причин), признаков, целей (потребностей), объектов, инструментов и механизмов (средств и ресурсов, их применения и распределения), результатов (терактов).

Принцип творческой активности субъекта в познании гласит, что человек при постижении мира не только осуществляет пассивное отражение, которое заключается в получении данных об определенной реальности или ее части, но и реализует творческие способности, которые представляют собой деятельность по созданию чего-то принципиально нового в материальном, идеальном или аксиологическом смыслах. Данный принцип играет важнейшую эвристическую роль в теоретическом аспекте изучения террористической деятельности.

Важным с гносеологической точки зрения является *принцип интервальности*, который выступает важнейшим постулатом интервальной философии, признающей многомерность, многоуровневость познаваемого объекта, самого познания, а также мира в целом. Иными словами, данный принцип не ограничивается познавательным аспектом, а содержит также онтологический и методологический аспекты. Формулируются они следующим образом:

1. Реальность (мир вообще и каждая из его частей и сфер) интервальна. Она имеет множество граней, уровней или «интервалов».
2. Любой познающий субъект ограничен рамками определенного интервала, особой познавательной позицией, имеющей относительный, а не абсолютный характер. Таким образом, никто не имеет «привилегированного» доступа к истине, и результаты познания могут носить характер лишь истины относительной, а не абсолютной.
3. Всякая познавательная позиция демонстрирует лишь потенциальную возможность для познания. Она реализуется лишь при условии применения интервального метода, который обеспечивает сложный интервальный синтез субъекта и объекта познания.

Исходя из перечисленных аспектов данного постулата, можно заключить, что существует множество познавательных позиций, но никакая из них не претендует на абсолютную истинность, а напротив, транслирует возможность получения частичной, ограниченной рамками конкретного интервала относительной истины.

Автор принципа интервальности в познании Ф. В. Лазарев пришел к выводу, что любая истина существует лишь в рамках определенного интервала абстракции, ввиду

чего различающиеся истины не взаимно исключают, а лишь ограничивают друг друга. Граница и есть интервал абстракции [6, с. 97]. Сама по себе философская проблема соотношения полученных нами данных о постигаемом объекте с его объективными характеристиками порождает проблему поиска и нахождения определенной «меры» истины. Как пишет соавтор интервальной концепции М. М. Новоселов, процесс измерения объекта заканчивается субъективным образом измеряемой величины объекта, а процесс познания объекта имеет своим результатом субъективный образ объекта в интервале абстракции [7, с. 100].

В отношении применения принципа интервальности в познании к исследованию террористической деятельности справедливо утверждать, что мы можем постичь ее сущность только в рамках определенного интервала абстракции. Например, нормативные правовые документы представляют собой один интервал абстракции, не претендующий на абсолютную истину, а системный, учитывающий сложность, открытость, или многомерный анализ, охватывающий множественность исследовательских измерений, разнокачественность исследуемого явления, – другой, более широкий и универсальный интервал абстракции. Для постижения многомерной сущности террористической деятельности как сложной целостности в полноте ее характеристик необходимо многомерное мышление, которое выступает концептуальной и методологической основой интервального подхода.

Из принципа интервальности вытекает вывод, что все имеющиеся концепции исследования террористической деятельности имеют равные права на истину в вопросах определения ее природы и особенностей. Любые теоретические и практические аспекты изучения данного феномена формируются в рамках и на основе определенной познавательной позиции и раскрывают истину не о террористической деятельности вообще, а в границах определенного интервала абстракции. Грань между различными концепциями террористической деятельности (нормативной, юридической, социологической, политологической) может рассматриваться в качестве интервала.

Учитывая сущность различных философских позиций в их решении проблемы познаваемости мира, считаем, что наиболее применимой позицией для научного знания в целом и для криминологического в частности является подход скептицизма, утверждающий, что мир познаваем частично. Также очень эффективен в познавательном отношении методологический подход, основанный на интервальной гносеологии, суть которого заключается в том, что человек в познании реальности не может достичь абсолютной истины, а достигает лишь относительной, которая может считаться абсолютной лишь в определенных условиях, задаваемых познавательной позицией, спецификой познающего субъекта, объекта познания, инструментов постижения последнего и т. д., т. е. ограничивается конкретным интервалом, измерением, в рамках которого происходит познавательный опыт.

Применение гносеологических основ исследования террористической деятельности позволяет уменьшить избыточный эклектизм и разнородность сфер научного знания, которые так или иначе относятся к изучаемому феномену, что помогает исключить неадекватные объекту исследования результаты познания, увеличить их эффективность, устранить излишнюю громоздкость, возможную бессистемность. Изложенное подтверждает необходимость активного применения философской методологии в познании сложных социальных явлений, в т. ч. в целях всестороннего криминологического исследования феномена террористической деятельности.

Заключение

Рассмотренные гносеологические принципы применимы в криминологическом знании. Они могут служить верным методологическим ориентиром в познании и адекватно отображать суть современного терроризма не только в теоретическом аспекте – в правосознании, но и в правовых конструкциях (правовых нормах, понятиях, определениях, теориях) и, как следствие, в практическом аспекте, т. е. в правоприменительной практике, правотворчестве. Ведь практика показывает, что, придерживаясь имеющегося, пока довольно размытого и методологически не выверенного представления о терроризме и практической стороне его реализации, невозможно эффективно разрешить актуальные проблемы по осуществлению противодействия данному феномену хотя бы по причине международной несогласованности в его определении, разнообразия и несогласованности методик его эмпирического изучения, статистического анализа и пр.

Человек в процессе своего социокультурного развития перманентно познает мир и себя самого, совершенствуя или коренным образом трансформируя результаты исследования явлений природы, общества, мышления и самого познания на основе улучшающихся когнитивных инструментов, появления новых знаний, расширения познавательных

возможностей благодаря успехам науки, философии и методологии познания. Большое значение в этой «когнитивной эволюции» сыграли процессы НБИКС-конвергенции [8, с. 27], связанные с коррелятивным объединением и синергетическим усилением результатов нано-, био-, инфо-, когнитивных и социальных наук и технологий.

Для понимания сущности терроризма и специфики его проявления в террористической деятельности необходимо осознавать, что оба феномена представляют собой сложные социальные явления, для изучения которых важно ориентироваться в социальной проблематике, иметь представление о современных тенденциях общественного развития, иначе исследование рискует оказаться неполным и недостаточным [9, с. 84; 10, с. 131].

Сегодня терроризм представляет собой внутренне противоречивое комплексное социально-правовое явление, обусловленное противоречиями и процессами, происходящими в современном обществе и имеющими свое воплощение в террористической деятельности на различных уровнях – региональном, локальном и даже глобальном, и являющее собой масштабную угрозу национальной безопасности. Он имеет свою структуру и содержание, отражающиеся в разветвленной системе форм, затрагивающих все социальные сферы.

Терроризм как феномен социально-правового характера стал объектом пристального внимания представителей различных областей науки – биологов, историков, археологов, философов, политологов, культурологов, психологов, социологов, юристов и др.⁵ [11–15]. В социальных и гуманитарных науках – психологии, социологии и политологии – терроризм и его причины анализируются преимущественно как специфический ответ на исторические, а также социально-политические процессы и явления в контексте социокультурного развития общества различных периодов. В библейском предании есть повествование о Каине, убившем своего брата Авеля, и бытует мнение, что первым террористическим актом можно считать именно этот эпизод. Но в данном случае мы имеем дело с религиозным текстом, повествованием, имеющим характер мифа, в связи с чем научным фактом его признавать сложно, поэтому, следует отнести к религиозно-мифологической сфере и рассматривать только в качестве предыстории терроризма.

Как справедливо отмечают современные исследователи терроризма, «само понятие “террористы” стало употребляться после Великой французской буржуазной революции, в связи с чем иногда зарождение терроризма ошибочно связывают с данным периодом. Однако и терроризм, и террористы появились задолго до происхождения самих терминов» [16, с. 10].

Можно сказать, что терроризм – это явление не только современное. Он представляет собой своеобразный, имеющий длительную историю развития феномен человеческого поведения, определяемый спецификой мировоззрения индивида, особенностями его психики.

Сам терроризм и практическая сторона его реализации в форме террористической деятельности претерпели трансформацию в современном глобальном мире, превратившись из национального деструктивного социально-правового явления в предельно дестабилизирующее мировую систему, транснациональное. Возможно, в связи с этим и само понимание данных феноменов усложнилось, стало размываться, а оценка террористической практики начала сильно политизироваться и идеологизироваться. Как отмечает А. Н. Игнатов, «современный международный терроризм, несмотря на всю его общественную опасность, – это своего рода атавизм трансформирующегося человечества. Это грубая обкатка технологий силовой конкуренции мировых акторов, в частности корпораций (государствообразующих, государственных, надгосударственных)» [17, с. 95].

Список литературы

1. Абисова К. С. Гносеологические основы исследования современного терроризма // Вестник Краснодарского университета МВД России. – 2020. – № 2 (48). – С. 54–58.
2. Кант И. Сочинения : в 6 т. [пер. с нем.] / под общ. ред. В. Ф. Асмуса, А. В. Гулыги, Т. И. Ойзермана / [Т. 3 : ред. и авт. вступ. ст. Т. И. Ойзерман]. – Москва: Мысль, 1964. – Т. 3. – 798 с.
3. Степин В. С. Типы научной рациональности и синергетическая парадигма // Сложность. Разум. Постнеклассика. – 2013. – № 4. – С. 45–59.

⁵ См., например: Барышников С. Г. Теоретико-методологические основания исследования террористической деятельности (социально-философский анализ): дис. ... д-ра филос. наук. – Челябинск, 2012. – 320 с.; Цыганкова Е. А. Разработка методического подхода к генетическому типированию штаммов сибирезвонного микроба: автореф. дис. ... канд. биол. наук. – Саратов, 2007. – С. 3, 27.

4. *Лебедев С. А.* Классическая, неклассическая и постнеклассическая методологии науки // Гуманитарный вестник. – 2019. – № 2 (76). – С. 1–13; <https://doi.org/10.18698/2306-8477-2019-2-596>.
5. *Лебедев С. А.* Постнеклассическая эпистемология: основные концепции // Философские науки. – 2013. – № 4. – С. 69–83.
6. *Лазарев Ф. В., Новосёлов М. М.* Проблема истины в социально-гуманитарных науках: интервальный подход // Вопросы философии. – 2005. – № 10. – С. 95–115.
7. *Новоселов М. М.* Логика абстракций : (Методологический анализ). – Москва: ИФ РАН, 2000. – Ч. 1. – 188 с.
8. *Кричевский Г.* Введение в НБИКС-технологии // НБИКС-Наука. Технологии. – 2017. – № 1. – С. 27–54.
9. *Игнатов А. Н.* Технологическое развитие человечества и перспективы трансформации уголовной политики и культуры противодействия преступности / Уголовная политика и культура противодействия преступности : материалы Международной научно-практической конференции, 21 сентября 2018 г. : в 2 т. – Краснодар: Краснодарский университет МВД России, 2018. – Т. I. – С. 81–91.
10. *Игнатов А. Н., Ильинович Е. Б.* Методологические основы исследования преступности // Общество и право. – 2015. – № 2 (52). – С. 129–133.
11. *Антонян Ю. М.* Терроризм. Криминологическое и уголовно-правовое исследование. – Москва: Щит-М, 1998. – 305 с.
12. *Гусев Н. Н.* Терроризм в контексте социологических парадигм // Вестник Московского университета МВД России. – 2014. – № 9. – С. 35–39.
13. *Гулевский А. Н.* Война, революция, терроризм в глобальном мире // Вестник Калмыцкого университета. – 2022. – № 2 (54). – С. 86–91; <https://doi.org/10.53315/1995-0713-2022-54-2-86-91>.
14. *Джаббаринасир Х. Р.* Влияние современного международного терроризма на основные мегатренды современной мировой политики // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4. История. Регионоведение. Международные отношения. – 2021. – Т. 26. – № 3. – С. 22–33; <https://doi.org/10.15688/jvolsu-4-2021-3-3>.
15. *Мельникова А. А.* Суицидальный терроризм как культурный феномен // Социально-гуманитарные знания. – 2020. – № 1. – С. 74–82; <https://doi.org/10.34823/SGZ.-2020-1-51290>.
16. *Сидоренко А. Г., Тихомиров Ю. В.* Терроризм и антитеррористическая безопасность в контексте истории и современной геополитики. – Москва: Кучково Поле, 2011. – 639 с.
17. *Игнатов А. Н.* «Криминология завтра» нужна уже сегодня // Общество и право. – 2016. – № 4 (58). – С. 94–99.

References

1. *Abisova K. S.* Gnoseologicheskiye osnovy issledovaniya sovremennogo terrorizma // Vestnik Krasnodarskogo universiteta MVD Rossii. – 2020. – № 2 (48). – С. 54–58.
2. *Kant I.* Sochineniya : v 6 t. [per. s nem.] / pod obshch. red. V. F. Asmusa, A. V. Gulygi, T. I. Oyzermana / [T. 3 : red. i avt. vstup. st. T. I. Oyzerman]. – Moskva: Mysl', 1964. – Т. 3. – 798 с.
3. *Stepin V. S.* Tipy nauchnoy ratsional'nosti i sinergeticheskaya paradigma // Slozhnost' Razum. Postneklassika. – 2013. – № 4. – С. 45–59.
4. *Lebedev S. A.* Klassicheskaya, neklassicheskaya i postneklassicheskaya metodologii nauki // Gumanitarnyy vestnik. – 2019. – № 2 (76). – С. 1–13; <https://doi.org/10.18698/2306-8477-2019-2-596>.
5. *Lebedev S. A.* Postneklassicheskaya epistemologiya: osnovnyye kontseptsii // Filosofskiy nauki. – 2013. – № 4. – С. 69–83.
6. *Lazarev F. V., Novosolov M. M.* Problema istiny v sotsial'no-gumanitarnykh naukakh: interval'nyy podkhod // Voprosy filosofii. – 2005. – № 10. – С. 95–115.
7. *Novoselov M. M.* Logika abstraktsiy : (Metodologicheskiy analiz). – Moskva: IF RAN, 2000. – CH. 1. – 188 с.
8. *Krichevskiy G.* Vvedeniye v NBIKS-tekhnologii // NBIKS-Nauka. Tekhnologii. – 2017. – № 1. – С. 27–54.
9. *Ignatov A. N.* Tekhnologicheskoye razvitiye chelovechestva i perspektivy transformatsii ugolovnoy politiki i kul'tury protivodeystviya prestupnosti / Ugolovnaya politika i kul'tura protivodeystviya prestupnosti : materialy Mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii, 21 sentyabrya 2018 g. : v 2 t. – Krasnodar: Krasnodarskiy universitet MVD Rossii, 2018. – Т. I. – С. 81–91.

10. *Ignatov A. N., Il'yanovich Ye. B.* Metodologicheskiye osnovy issledovaniya prestupnosti // *Obshchestvo i pravo*. – 2015. – № 2 (52). – S. 129–133.
11. *Antonyan Yu. M.* Terrorizm. Kriminologicheskoye i ugovolno-pravovoye issledovaniye. – Moskva: Shchit-M, 1998. – 305 s.
12. *Gusev N. N.* Terrorizm v kontekste sotsiologicheskikh paradigim // *Vestnik Moskovskogo universiteta MVD Rossii*. – 2014. – № 9. – S. 35–39.
13. *Gulevskiy A. N.* Voyna, revolyutsiya, terrorizm v global'nom mire // *Vestnik Kalmytskogo universiteta*. – 2022. – № 2 (54). – S. 86–91; <https://doi.org/10.53315/1995-0713-2022-54-2-86-91>.
14. *Dzhabbarinasir Kh. R.* Vliyaniye sovremennogo mezhdunarodnogo terrorizma na osnovnyye megatrendy sovremennoy mirovoy politiki // *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4. Istoriya. Regionovedeniye. Mezhdunarodnyye otnosheniya*. – 2021. – Т. 26. – № 3. – S. 22–33; <https://doi.org/10.15688/jvolsu-4-2021-3-3>.
15. *Mel'nikova A. A.* Suitsidal'nyy terrorizm kak kul'turnyy fenomen // *Sotsial'no-gumanitarnyye znaniya*. – 2020. – № 1. – S. 74–82; <https://doi.org/10.34823/SGZ.-2020-1-51290>.
16. *Sidorenko A. G., Tikhomirov Yu. V.* Terrorizm i antiterroristicheskaya bezopasnost' v kontekste istorii i sovremennoy geopolitiki. – Moskva: Kuchkovo Pole, 2011. – 639 s.
17. *Ignatov A. N.* «Kriminologiya zavtra» nuzhna uzhe segodnya // *Obshchestvo i pravo*. – 2016. – № 4 (58). – S. 94–99.

Статья поступила в редакцию 01.04.2024; одобрена после рецензирования 27.05.2024; принята к публикации 10.06.2024.

The article was submitted April 1, 2024; approved after reviewing May 27, 2024; accepted for publication June 10, 2024.